

ВЯЧЕСЛАВ ЗИЛАНОВ

**РОССИЯ
ТЕРЯЕТ
АРКТИКУ
?**

Вячеслав Зиланов

Россия теряет Арктику?

«Алисторус»

2013

Зиланов В. К.

Россия теряет Арктику? / В. К. Зиланов — «Алисторус», 2013

Тема Арктики всегда находится в центре внимания, однако сегодня к этому региону обращен пристальный интерес всего мира. Именно к Баренцеву морю и в целом к северным морским районам приковано внимание ведущих морских держав в связи с потеплением Арктики и соперничеством за обладание ее природными ресурсами, в том числе такими, как углеводородные ресурсы и рыбные запасы. Насколько Россия готова к такому соперничеству и чем руководствуются отечественные политики, уступая без достаточных на то оснований свои исторические морские арктические районы? Ответы на эти непростые вопросы читатель найдет в книге. Автор – В. Зиланов – один из известнейших не только в России, но и за рубежом экспертов по морскому международному рыболовству, сотрудничеству в этой области, а также по проблемам оптимального использования ресурсов Мирового океана, включая район Арктики.

© Зиланов В. К., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

От автора	6
Введение	8
В штормах холодной войны	10
Западный проход	10
Смежный участок или «Серая Зона»?	12
Шпицбергенский ринг	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вячеслав Константинович Зиланов

Россия теряет Арктику?

Да посрамит Небо всех тех, кто берется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства.

Екатерина II

© Зиланов В.К., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Арктика с ее окраинными морями, и прежде всего Баренцевым морем с его значительными природными ресурсами, такими, как морские, живые и углеводородные, все больше привлекает к себе внимание не только пяти приарктических государств (Дании – в отношении Гренландии; Канады, Норвегии, России, США), но и далеких от этого региона государств, таких, как страны – члены ЕС, Китай, Япония, Республика Корея, страны Средней Азии и др. Последнее вызвано еще и особым правовым статусом морского района, подпадающего под Договор о Шпицбергене 1920 г., который занимает по площади почти $\frac{1}{3}$ Баренцева моря, а участниками самого Договора о Шпицбергене являются 41 государство. Как и на каких условиях разграничены морские пространства, а точнее 200-мильные исключительные экономические зоны и континентальный шельф между Россией и Норвегией, как соседними в Баренцевом море государствами, да и по существу совладельцами этого моря, и насколько при этом учтены положения Договора о Шпицбергене 1920 г. – темы, небезразличные и приарктическим государствам, и участникам Договора о Шпицбергене 1920 г. Повышенное внимание к этому процессу и его результатам уделяют политики и широкая общественность как в России, так и в Норвегии.

Как известно, переговоры по разграничению исключительных экономических зон и континентального шельфа между СССР (затем его правопреемницей Россией) и Норвегией, продолжавшиеся более 40 лет, завершились подписанием 15 сентября 2010 г. в г. Мурманске «Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» (далее по тексту Договор 2010 г.). И хотя сам Договор вступил в силу 7 июля 2011 г., анализ его положений продолжает привлекать к себе внимание российских политиков, ученых, СМИ и широкую общественность. Главный вопрос, который не сходит с повестки дня: «Насколько положения Договора 2010 г. соответствуют интересам России, и что же Россия потеряла и что приобрела в результате такого неожиданного, стремительного шага Президента России Д. Медведева?»

Не претендуя на исчерпывающий ответ по данной проблеме, предлагаю вниманию заинтересованного читателя свою версию произошедшего. За событиями по разграничению морских пространств между СССР в прошлом, а затем России и Норвегией мне пришлось наблюдать не только как бы со стороны, но и с самого близкого расстояния, так как я был вовлечен с 1973 по 1996 г. в силу занимаемых государственных должностей – начальника рыбопромысловой разведки Главка «Севрыба», заместителя министра рыбного хозяйства СССР, заместителя Председателя Госкомрыболовства России – в переговорный процесс. По некоторым направлениям переговорного процесса, касающихся рыболовства, особенно в период существования Советского Союза, мне, по поручению соответствующих правительственных органов было доверено возглавлять отечественные делегации. Потому представленная читателю работа основана как на анализе документов, так и на собственных впечатлениях, встречах и беседах с непосредственными участниками переговорного процесса не только советской и российской, но и норвежской стороны. Стараюсь быть объективным, насколько позволяют имеющиеся для такой непростой работы доступные документы, но необходимо иметь в виду, что пока еще многие из них остаются вне досягаемости. Вместе с тем можно надеяться, со времени они станут известны общественности и это позволит дополнить либо уточнить настоящее исследование.

Наряду с разграничением морских пространств в Северо-западном секторе Арктики и, в частности, в Баренцевом море мною приводится анализ разграничения 200-мильных исключительных экономических зон и континентального шельфа в северо–восточном секторе Арк-

тике – в Беринговом и Чукотских морях – между СССР и США, завершившихся подписанием в 1990 г. соответствующего межправительственного Соглашения (далее по тексту Соглашение 1990 г.), которое до сегодняшнего дня не ратифицировано Россией и применяется обеими сторонами «временно» вот уже 23 года.

Сопоставление Соглашения 1990 г. между СССР и США по Беринговому и Чукотскому морям с Договором 2010 г. между Россией и Норвегией по Баренцеву морю показывает их удивительное совпадение по целому ряду принципиальных положений. Последнее свидетельствует об использовании разработчиками данных договоренностей одних и тех же приемов и основных подходов, которые привели к системным потерям для российской стороны значительных площадей континентального шельфа – со всеми вытекающими отсюда стратегическими и экономическими последствиями.

Ряд положений и глав по проблемам разграничения в Баренцевом море были мною ранее опубликованы в виде статей, интервью в средствах массовой информации не только в России, но и в Норвегии. В настоящем сборнике они сведены вместе и дополнены. В приложении приводятся фактические материалы и документы, поясняющие и дополняющие сам текст. При этом именно последним мною отдано предпочтение с тем, чтобы читатель мог самостоятельно их изучить и сделать по ним соответствующие выводы.

В подборе материалов благожелательную поддержку автору оказали Союз рыбопромышленников Севера (СРПС), Координационный Совет ассоциации, объединений рыбной промышленности Северного бассейна (КС «Севрыба»), Полярный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича (ПИНРО), Научно-производственная компания «Моринфо» (НПК «Моринфо»), Баренц-Беломорское территориальное управление Росрыболовства (ББТУ), а также специалисты, руководители ряда компаний и капитаны рыбопромысловых судов. Компьютерный набор книги любезно выполнил главный специалист СРПС А.В. Николаенко. Всем, оказавшим содействие в подготовке к изданию этой книги, автор выражает глубокую признательность и благодарность. И надеется, что она привлечет внимание исследователей, ученых-мореведов, политиков, дипломатов, практиков, осуществляющих хозяйственную деятельность в Арктике, и особенно ведущих рыбный промысел в Баренцевом, Карском, Гренландском, северной части Норвежского, Чукотском и Беринговом морях.

Профессор В. Зиланов г. Мурманск, декабрь 2012 г.

Введение

Незамеченной для широкой общественности прошла годовщина вступления в силу «Договора между Российской Федерацией и Королевства Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане». А ведь во время его подписания – 15 сентября 2010 г. в городе Мурманске – все российские официальные средства массовой информации пафосно обозначали в то время как шаг Президента РФ Д. Медведева и министра иностранных дел С. Лаврова, причем «исторический, прорывной». Да вот только рыбаки-северяне с такой оценкой не согласны и нарекли его «клоном» известного, ущемляющего интересы рыбаков России, аналогичного Соглашения 1990 г. о разграничении морских пространств, но в другом – дальневосточном бассейне: в Беринговом и Чукотском морях, получившего наименование предательского соглашения «Шеварнадзе – Бейкера».

Рыбаки-северяне ощутили действия Договора 2010 г. в течение первого года не словесно, а конкретно в море – на практике, как говорится, на своей шкуре. За этот год, с момента его подписания, многократно увеличилось аресты российских рыболовных судов береговой охраной Норвегии – подразделениями ВМФ этой страны, особенно в морском регионе архипелага Шпицберген, вплоть до захвата их и сопровождения для разбирательства в судах Норвегии. Дело дошло до массовой высадки прямо в море норвежского десанта в количестве до восьми человек на траулер «Сапфир II», экипаж которого всего-то чуть более 30 рыбаков. Такого отношения не выдержало все рыбацкое сообщество Северного и Западного бассейнов и потребовало от инициаторов «исторического, прорывного» Договора 2010 г. принять срочные меры по защите интересов отечественного рыболовства в российском секторе Арктики, и, прежде всего, в Баренцевом море и в морском районе архипелага Шпицбергена. Как отнесутся к этому покинувший свой пост президента и ставший Председателем Правительства России Д. Медведев и сохранивший свой статус министр иностранных дел С. Лавров, покажет время. Хватит ли у них государственной мужественности разобраться в причинах, приведших к таким «историческим прорывным» ошибкам, в результате подписанного Договора 2010 г.? И главное – исправить эти ошибки и принять меры к недопущению подобного в будущем. К этому призывают не только рыбаки-северяне, но и более четырех десятков юристов-международников, мореведов, рыбаков-практиков, общественных деятелей и лидеров трех фракций Госдумы.

Напоминаю, что Договор 2010 г. был ратифицирован депутатами Госдумы 25 марта 2011 г., причем только одной фракцией «Единая Россия» – 311 голосов «за» или 61,9 % от общего числа депутатов – 450. Не поддержали ратификацию остальные три фракции: КПРФ (голосовали против 55 депутатов), «Справедливая Россия» и ЛДПР (отказались от голосования 82 депутата этих фракций). Одновременно по требованию рыбаков и оппозиции Госдума была вынуждена принять при ратификации специальное Заявление, касающееся защиты отечественного рыболовства в Баренцевом море, включая район архипелага Шпицберген.

В верхней палате Федерального Собрания России – в Совете Федерации – аналогичные результаты. За ратификацию высказались всего 103 сенатора из 166, или только 62 %. Такие результаты голосования в Госдуме и Совете Федерации свидетельствуют об определенном провале разработчиков и переговорщиков от российской стороны – правовиков МИДа, утверждающих о соответствии его национальным интересам России в Баренцевом море и Арктике, а также об ошибочности политики Президента Д. Медведева по данному направлению. Казалось бы, все это должно заставить президентскую администрацию, правительство, Министерство иностранных дел России внимательно разобраться в случившемся и принять соответствующие меры по исправлению положения. Да не тут-то было! Внешнеполитическое ведомство всячески оправдывает заключенный Договор 2010 г. Возможно, для них ориентиром являются результаты голосования 8 февраля 2011 г. парламентариев норвежского Стортинга (пар-

ламента) при ратификации Договора 2010 г., где все семь партий-фракций (Рабочая партия, Прогрессивная партия, Консервативная партия, Социалистическая партия, Партия Центра, Христианско-демократическая партия и Либеральная партия), а это все 169 депутатов единогласно высказались за эту договоренность. Вот уж действительная блестящая победа норвежской дипломатии над российскими дипломатами! Да и не только над ними, но и теми, кто подталкивал Президента Д. Медведева к принятию столь ошибочного решения.

В свою очередь Федеральное агентство Российской Федерации по рыболовству (далее по тексту – Росрыболовство) совместно с рыбаками Северного и Западного бассейнов поставлены перед необходимостью в этих непростых условиях принимать срочные меры практического характера по защите интересов отечественного рыболовства в Баренцевом море и особенно в морском районе архипелага Шпицберген.

К этой проблеме рыбакам удалось привлечь внимание вновь избранного Президента России В. Путина. Появилась надежда на решение вопроса в пользу рыбаков. Для того, чтобы это осуществилось, и хочу обратить внимание всех заинтересованных к новой «технологии» части российской внешнеполитической «элиты», применяемой по проталкиванию подобных ошибочных международных договоренностей, не отвечающих интересам отечественного рыболовства, каким и является Договор 2010 г., к подписанию и ратификации. Безусловно, не все еще тайные пружины этой «технологии» пока известны и доступны для анализа. И все же надежда на их выявление имеется.

В штормах холодной войны

Западный проход

Из тринадцати морей, омывающих побережья России (Балтийское, Баренцево, Белое, Карское, Восточно-Сибирское, Лаптевых, Чукотское, Берингово, Охотское, Японское, Каспийское, Азовское и Черное), особое значение имеет Баренцево море – ввиду его и природных ресурсов, и открытого западного выхода в океан для европейской части России.

По существу, Балтийское, Черное и Азовское моря, не говоря уж о Каспийском (последнее по существу огромное озеро) ввиду принадлежности проливов, имеющих выход на океанские просторы, другим государствам, делают Россию уязвимой и зависимой от этих государств и действующих ограничительных международных договоренностей. И только Баренцево море с расположенным на его побережье незамерзающим портом Мурманск делают Россию независимой от кого бы ни было при выходе в западном направлении – в Атлантический океан, да и в Мировой океан в целом.

Это стратегическое значение Баренцева моря в свое время по достоинству оценил Петр I, а до него широко использовали поморы. В последующем царское правительство, хоть и не сразу, поняло стратегическое значение незамерзающего порта Романова-на-Мурмане (Мурманска) и самого Баренцева моря для России. Именно это и побудило Александра III и затем Николая II при настойчивости министра финансов России графа С. Витте принять геополитически верное для страны решение – строить основную военно-морскую базу на Мурманском побережье, в Екатерининской гавани. Началось не только обустройство базы флота, но и масштабное на то время строительство железной дороги – самой северной в мире, протяженностью более 1000 км, позволивший соединить Романов-на-Мурмане с Петрозаводском и далее с Петербургом. Причем построена она была за короткий срок – всего за 20 месяцев, но цена ей была тысячи человеческих жизней. Наряду с военно-морским флотом развивалась и экономика на Севере, прежде всего, за счет рыболовства.

Осваивая суровое, но незамерзающее побережье Баренцева моря, Россия обезопасила себя на случай закрытия для нее проливов Черного и Балтийского морей ввиду возможных конфликтов с рядом европейских государств. Советская Россия в первые годы Гражданской войны постоянно обращала свой взор на север. Был принят ряд правительственных решений, среди которых такие, как создание Научно-исследовательского института для океанологических исследований, рыболовства, защите звериных и рыболовных промыслов от иностранного посягательства, включая и от норвежских зверобоев, объявлен Арктический сектор России и целый ряд других.

И. Сталин и К. Ворошилов на буксире «Буревестник» осматривают Кольский залив в 1933 г.

В начале 30-х гг. XX в., а точнее, в 1933-м, Кольский полуостров посетила правительственная делегация во главе с И.В. Сталиным. Обойдя на буксире «Буревестник» Кольский залив и ряд его бухт, руководители Советского государства приняли решение создать на Севере мощный военно-морской флот, развивать рыболовство, торговый флот. При этом Сталин, оценивая возможности Баренцева моря с геополитической точки зрения, подчеркнул: «Что такое Черное море? Лоханка. Что такое Балтийское море? Бутылка. А пробка не у нас. Вот здесь – море (имеется в виду Баренцево море. – *Авт.*). Здесь – окно. Здесь должен быть большой флот. Отсюда мы сможем взять за живое, если потребуется, и Англию, и Америку. Больше неоткуда».

Значение баренцевоморского «окна» особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда реальная связь с союзниками – США и Англией – осуществлялись через западный баренцевоморский проход. Именно через него шли караваны по ленд-лизу с военным, продовольственным и другим снаряжением, так необходимым для фронта и тыла. Одновременно именно в эти военные годы показали уязвимость этого прохода, если им на участке норвежского побережья – о. Медвежий и архипелаг Шпицберген – владеет противник. Как раз здесь больше всего наносился урон караванам союзников. Достаточно одного примера: гибель большей части кораблей каравана PQ-17. Помня об этом в послевоенный период, Советский Союз стремился посредством усиления Военно-морского флота, развития экономики Кольского полуострова, дипломатических усилий обеспечить себе свободный выход в западном направлении. И это до последнего времени нашей стране удавалось реализовывать. В свое время Советский Союз даже вел переговоры с Норвегией о совместном владении архипелагом Шпицберген и передаче ему ранее принадлежащего России о. Медвежий. Этот процесс был сорван в связи с вступлением Норвегии в НАТО. По существу, этим шагом члены НАТО и прежде всего США и Англия завладели западным проходом на участке северная Норвегия – о. Медвежий – архипелаг Шпицберген.

Велико значение западного прохода и для отечественного рыболовного флота. Он не только освоил запасы морских живых ресурсов в западных районах Баренцева моря, включая Медвеженско-Шпицбергенский район, но и через этот проход вышел в 50—60-е годы XX столетия на просторы Атлантического и Мирового океана.

В настоящее время с вступлением в силу Договора 2010 г. наш рыболовный флот впервые за всю историю ощутил угрозу лишения западных районов рыболовства Баренцева моря! Не является ли именно это главной целью натовцев – попыткой лишить Россию свободы выхода в Мировой океан?!

Смежный участок или «Серая Зона»?

Пятилетка 1970–1975 гг. для рыбной промышленности Советского Союза была весьма удачной. Впервые вылов в 1975 г. превысил 10 млн. т; флот пополнялся новыми крупнотоннажными судами; выявлялись и осваивались новые районы промысла; состояние сырьевой базы оценивалось учеными ВНИРО и бассейновыми институтами, как удовлетворительное. За достижение высоких показателей отрасли министр А.А. Ишков был удостоен высокой награды – Герой Социалистического Труда. Многие специалисты отрасли – рыбаки и рыбопереработчики – также были отмечены правительственными наградами. Словом, перспективы вроде бы обнадеживающие, но были и весьма опасные тенденции. Главная из них – неотвратимость повсеместного введения 200-мильных экономических (рыболовных) зон прибрежными государствами. Именно в них наш флот добывал в то время от 5 до 5,6 млн. т из 10 млн. т. Особенно опасной эта тенденция была в прилегающих к нашему побережью морях – Баренцевом, Беринговом, Балтийском, Черном, Каспийском и других. Ведь именно здесь весь улов шел для переработки на береговых рыбокомбинатах и затем поступал на внутренний рынок. Нависла угроза спада уловов и выпуска пищевой рыбопродукции.

Делегации Норвегии (лицом к нам) и СССР в 1978 г. ведут переговоры по «смежному участку». В центре министр Норвегии по морскому праву и рыболовным границам Е. Евенсен, напротив – министр рыбного хозяйства СССР А. Ишков

В этих условиях министр А.А. Ишков, штаб отрасли предприняли огромные усилия по защите интересов рыбной отрасли. Ставилась задача в новых условиях – в условиях 200-мильных зон – пойти на заключение договоренностей, прежде всего, с соседними странами, которые бы обеспечили работу флота в оптимальных режимах, т. е. в соответствии с состоянием запасов того или иного объекта и доступа к традиционным районам лова. Особенно это касалось северных морей и прежде всего Баренцева моря, где колебания численности (флюктуации) под влиянием природных факторов основных объектов лова – трески, пикши, мойвы, сельди и других – были весьма существенными. С этой целью Советский Союз, по рекомендации ученых ПИНРО, выступил с инициативой ввести национальное квотирование основных объектов промысла в Баренцевом море, исходя из расчетов ученых по общим допустимым уловам (ОДУ).

Главным противником такого подхода в 1970–1973 гг. была Норвегия, которая всячески уклонялась от введения подобных мер, поскольку ее основной, наиболее прибыльный промысел базировался на нерестовой треске-скрей без всяких ограничений. Вместе с тем наш отечественный промысел велся на молодой, подрастающей треске и, как правило, неполовозрелой, к тому же наш флот наращивал уловы. Это создало реальную угрозу того, что урожайное поколение трески 1970 г. и пикши 1969–1970 гг. может быть в большей части выловлено еще до созревания, и тогда норвежский промысел нерестовой трески-скрей «обвалится».

Норвегии перед такой неважной перспективой пришлось пойти на договоренность с Советским Союзом и Англией по ограничению своего промысла в Баренцевом море посредством установления – впервые – национальных квот на 1974 г: для Норвегии – 245,8 тыс. т,

СССР – 179,5 тыс. т и Англии – 77,6 тыс. т. Однако эта договоренность ввиду продолжающегося неконтролируемого промысла судами Португалии, Испании, Германии была «торпедирована».

Решающая встреча по «смежному участку». Справа от переводчицы Е. Лукашовой министр рыбного хозяйства СССР А. Ишков, представитель Северного бассейна В. Зиланов, напротив – министр Е. Евенсон с переводчиком П. Муром

Вновь открывалась перспектива нерегулируемого промысла.

Вместе с тем по главному, принципиальному вопросу: о рационализации промысла трески и пикши в Баренцевом море – у российских и норвежских ученых и управленцев-администраторов от рыболовства взгляды были едины. Они заключались в следующем: «...рационализация промысла должна вестись по двум взаимосогласованным направлениям – ограничение лова молоди в целях повышения средней навески рыбы и создания возможностей для увеличения нерестового потенциала, ограничение вылова половозрелых рыб в целях обеспечения воспроизводства стада». Казалось, это создавало основу для быстрого достижения практических мер регулирования. Но не тут-то было. Норвегия настойчиво предлагала увеличение ячеи в тралах при промысле трески до 135–150 мм и закрытие для промысла обширных регионов на востоке моря. При этом норвежские суда в то время вылавливали тралом не более 10–15 % от общего годового вылова. Остальной улов брался пассивными орудиями лова: ставными неводами, плавными сетями, ярусами и прочими крючковыми орудиями. Наш же флот все 100 % улова на востоке моря, вдоль Норвежского побережья и в районе Договора о Шпицбергене 1920 г., брал тралами. Переговоры по мерам регулирования приняли затяжной характер. К тому же они осложнялись все возрастающими претензиями норвежцев, зачастую оправданными, относительно повреждения их ставных орудий лова нашими траулерами, работающими у норвежского побережья, особенно в районе Финнмаркенской банки, Норвежского желоба, Нор-кинской банки. Советско-норвежская комиссия по претензиям, созданная специальным межправительственным соглашением в 1959 г., была завалена норвежскими претензиями. Рассматривались они длительно. Словом, нарастал новый конфликт напряженности в рыболовных отношениях двух соседних государств.

В этих условиях Норвегия расширяет свои территориальные воды: вначале – с 4 до 6 миль, а затем – и до 12 миль. Более того, она вводит в одностороннем порядке так называемые бестраловые зоны, которые значительно распространяются за пределы 12 миль. По существу, в открытую часть моря. Справедливости ради, следует отметить, что норвежцы заранее оповестили нас об этом и даже пошли на некоторое уменьшение участков бестраловых зон. Однако на полную их отмену не согласились. Таким образом, был создан опасный прецедент, когда прибрежное государство в одностороннем порядке вводит меры регулирования рыболовства в открытых районах Баренцева моря. Хотя и при молчаливом согласии своего основного партнера-соседа – Советского Союза.

Возникает вопрос: почему в то время при всей своей политической, экономической, военной и рыболовной мощи Советский Союз пошел на это? Ответ на него прост: только

потому, чтобы не настраивать против себя простых норвежских рыбаков или, как тогда говорили в ЦК КПСС, тружеников моря, которые к тому же дружелюбно относились к своему социалистическому соседу. Учитывалось и то, что многие из рыбаков входили в социалистическую (в последующем – рабочую) партию Норвегии, немало было и членов коммунистической партии этой страны. Так что, элемент стратегической политики накладывал свой отпечаток и на принятие решений по рыболовным проблемам, что у нас – практиков Северного бассейна – встречало неодобрение, которое, правда, дальше «ворчания» не шло. Как говорится, «против власти не попрешь». Да и сам министр А.А. Ишков постоянно подчеркивал и твердо проводил линию – с соседями ссориться нельзя, надо договариваться. Ряд специалистов МИД, анализируя этот период уже в сегодняшнее время, высказывают мнение, что из-за рыболовных проблем якобы назревало военное противостояние между Советским Союзом и НАТО в Баренцевом море! Это преувеличение. Как свидетель тех далеких событий и их активный участник, подчеркиваю, что никаких предпосылок к силовому противостоянию из-за рыболовных проблем не было.

Вместе с тем Норвегия, введя бестраловые зоны, и вдохновленная объявлением в то время в одностороннем порядке Исландией 50-мильной рыболовной зоны, сама начала прорабатывать вариант введения 50– либо 100-мильной рыболовной зоны вдоль своего побережья.

Одновременно с этим на международной Конференции ООН по морскому праву уже «витал неотвратимый демон» – введение повсеместно для целей рыболовства 200-мильных зон. В этих условиях глава норвежской делегации на Конференции ООН министр по вопросам морского права и рыболовных границ Енс Эвенсен, весьма влиятельный и авторитетный политик, занял у себя в Норвегии выжидательную позицию. Он вел линию на сдерживание требований рыбаков об объявлении Норвегией каких-либо промежуточных (50—100-мильных) зон до принятия решения на Конференции ООН по морскому праву, и был уверен в неотвратимости повсеместного введения 200-мильных зон. Другими словами, зачем вводить в одностороннем порядке 50—100-мильную зону, настроив против Норвегии всех и, прежде всего, своего могучего соседа – Советский Союз, когда можно будет через 2–3 года на основе международного права ввести зону в 200 миль. И тем самым избежать возражений соседей и защитить для Норвегии не только рыбные, но и, что особенно важно, углеводородные ресурсы дна морей континентального шельфа Баренцева моря. И в этом Енс Эвенсен оказался прав.

В непростых условиях для нашего рыболовства, когда еще были не ясны перспективы завершения работы Конференции ООН по морскому праву, министр рыбного хозяйства Советского Союза Александр Ишков в конце 1973 г. собрал у себя в кабинете руководителей Северного бассейна с участием специалистов Северной рыбопромысловой разведки Главка «Севрыба» и ПИНРО (автор тоже принимал участие в этом заседании), и дал задание: срочно выполнить все расчеты наших потерь в случае объявления Норвегией в одностороннем порядке бестраловых зон, а также 50-, 100-, либо 200-мильных рыболовных зон в Баренцевом море; выработать предложения по поиску вариантов восполнения этих потерь. Словом, попытаться определить потери в условиях неделимости рыбных запасов и самого Баренцева моря, где в то время все районы были доступны для рыболовства, хотя и существовали границы района Договора о Шпицбергене 1920 г. и граница Полярных владений СССР (рис. 1).

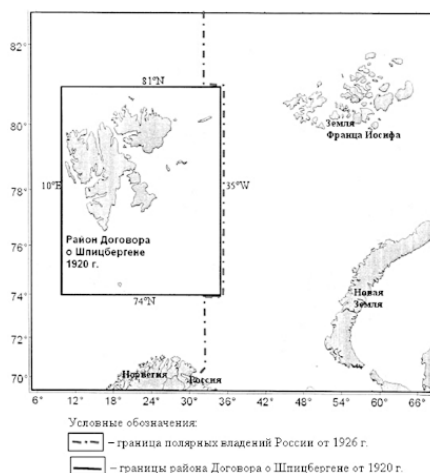

Рис. 1. Границы морских районов, введенные в 1920–1926 гг., которые не препятствовали рыболовству российских судов в Баренцевом море до 1977 г.

Такая работа была проделана в короткий срок специалистами Главка «Севрыба» и учеными ПИНРО. В ней на 74 страницах в виде альбома давался подробный анализ, с соответствующими картами и таблицами, ситуации, складывающейся в Баренцевом море и возможных путях сохранения нашего рыболовства в условиях объявления Норвегией различных вариантов протяженности зон. Расчеты показывали, что при введении бестраловых зон наши потери трески и пикши составят не менее 15–20 %, а при введении 200-мильной зоны около 40–60 % годового вылова. При этом существенно ухудшался видовой состав вылова за счет облова более мелкой трески и пикши и недоступности массового промысла трески, пикши, окуня, палтуса и других объектов в западных районах Баренцева моря.

Вместе с тем, компенсация потерь в объеме вылова все же была возможной при интенсификации промысла в нашей зоне Баренцева моря на молодой треске, пикше (что нерационально), либо вывод флота в отдаленные открытые районы Северной Атлантики и в район Договора о Шпицбергене. Предлагалось также заключить с Норвегией ряд межправительственных соглашений, проекты которых были разработаны в регионе с участием специалистов министерства и приложены к аналитической работе. Уже тогда предвиделась ситуация, при которой необходимо будет договариваться о правилах и режиме рыболовства, прежде всего, в приграничных смежных участках моря, где промысел ведут как рыбаки России, так и Норвегии, что в последующем полностью оправдалось.

Именно этот тщательно проработанный специалистами Северной промразведки и ПИНРО аналитический материал послужил для нашей делегации основой при переговорах с Норвегией по решению целого ряда проблем, среди которых такие важнейшие, как: деление ОДУ по треске, пикше, мойвы на национальные квоты между Норвегией и Советским Союзом и, самое главное, достижение договоренностей о районе смежного участка рыболовства, о Временных правилах и режиме промысла в нем, а также о рыболовстве в районе архипелага Шпицберген.

В то же время и норвежская сторона готовила свои варианты решения данных проблем. Забегая вперед, замечу, что наши «домашние наработки» выглядели на переговорах весомее, это в последующем признавали в своих воспоминаниях участники норвежской делегации. Так, в прошлом директор Директората по рыболовству Норвегии Халмстейн Расмуссен, принимавший участие в переговорах по этой проблеме, вспоминает, что норвежская делегация, выдвинув свои тщательно разработанные МИД и Министерством рыболовства Норвегии предложения по решению проблем рыболовства и разграничению морских пространств, были на следующий день «...советской стороной, к нашему удивлению, разбиты в пух и прах.

Неясно было одно: как они за такое короткое время могли так тщательно, пункт за пунктом, проанализировать наши предложения. Русские сделали такой основательный анализ, как будто они знали наши предложения заранее». Как участник этих переговоров с советской стороны, замечу, что все это – результат анализа, на основе заранее подготовленных, упомянутых выше, материалов. В то же время наша делегация никаких «заранее норвежских предложений» не имела и не располагала ими.

Весьма показателен и состав участвующих в столь ответственных переговорах делегаций двух стран. С норвежской стороны их вел министр по вопросам морского права и рыболовным границам Енс Эвенсен, по существу, МИД Норвегии. Большинство членов делегации – специалисты МИДа, включая Арне Трехолта (заместителя министра Енса Эвенсена), Пьера Треселта – договорно-правовое управление МИД, посла Норвегии в Советском Союзе Петра Грайвера и целого ряда других специалистов.

Министерство рыболовства Норвегии было представлено вторыми лицами, хотя периодически подключался и министр рыболовства этой страны Э. Болле. С нашей стороны переговоры вел министр рыбного хозяйства Александр Ишков. В составе делегации были в основном специалисты Министерства рыбного хозяйства, Северного бассейна и науки. По указанию Александра Ишкова, я возглавлял рабочую группу по практическим вопросам (согласование координат смежного участка, разработка конкретных правил и режима рыболовства и т. д.) С норвежской стороны эту работу вел Пьер Треселт, в последующем – посол Норвегии в России. Представители нашего МИД были в советской делегации как бы на вторых, вспомогательных ролях. И отрабатывали только правовую основу договоренности. Такой неравный состав двух делегаций, когда с одной стороны – МИД Норвегии, а с другой – Министерство рыбного хозяйства Советского Союза, отражал и подчеркивал позиции правительств по данному вопросу. Мы своим составом подчеркивали, что нет никаких политических проблем, кроме практических вопросов рыболовства. Норвегия же, как бы говорила о другом: это политическая межгосударственная проблема, надо делить рыбные ресурсы и, главное, Баренцево море.

Вместе с тем, следует отметить существенный вклад в то время начальника Договорного правового управления МИД, члена Коллегии МИД Олега Хлестова и посла Советского Союза в Осло Юрия Кириченко в определении окончательного юридического ключа этой проблемы. Именно они на частных переговорах с Енсом Эвенсоном оговорили правовые вопросы, формат и сроки действия разрабатываемых документов. Вспоминаю, на одном из приемов в Посольстве Норвегии в Москве Хлестов и Евенсен отошли в угол и торопливо что-то рисуют на салфетках. Затем показывают мне рисунок – на нем разные конфигурации будущего смежного участка. Говорят: «Посмотри, пойдет?» Я начинаю корректировать в западную сторону. Евенсен протестует. Предлагаю остановиться на варианте включения в него ряда промысловых банок – Финнмаркенскую банку, Мурманский язык. Вновь протесты. Затем находим что-то среднее и далее – на следующий день – обсуждаем в рабочей группе. Такой подход позволил убедить правительство и парламент Норвегии, а с нашей стороны кроме правительства еще и Политбюро ЦК КПСС в том, что сама договоренность носит временный характер и касается только практических вопросов рыболовства. Договоренность не меняет позиции сторон по их принципиальному вопросу: мы стояли за разграничение 200-мильных зон по границе Полярных владений, установленных Россией в 1926 г., а норвежцы – по срединной линии.

В результате обоюдных претензий Норвегии и России образовался спорный район площадью почти в 155 тыс. кв. км, что превышает территорию Исландии и составляет почти 50 % территории всей континентальной Норвегии.

Министр рыбного хозяйства СССР А. Ишков прибыл в Норвегию в январе 1978 г. для завершения переговоров по «смежному участку». Справа от него посол Норвегии в Москве П. Грайвер, рядом с ним министр Е. Евенсен, министр Норвегии по рыболовству Э. Болле и посол СССР в Осло Ю. Кириченко

Именно этот обширный район был предметом напряженных переговоров по поиску компромиссного решения по проблемам рыболовства в течение почти трех лет – с 1976 по 1978 гг. и завершился 11 апреля 1978 г. подписанием Соглашения о совместных мерах контроля за рыбным промыслом и регулированием рыболовства в смежном участке Баренцева моря, прилегающем к материковому побережью СССР и Норвегии.

Позиции сторон были диаметрально противоположны. Так, Советский Союз твердо стоял, а затем и Россия придерживалась мнения, что разграничение должно быть осуществлено по линии границы Полярных владений, которая была установлена Россией в 1926 г. Согласно этой позиции, Россия в Арктике объявила сектор, который с запада ограничивался меридианом 32–34° в.д., а на востоке – 168° з.д.

Секторальной доктрины в Арктических морях в то время придерживались Канада, Дания (Гренландия). Дополнительно к этому наша делегация на переговорах обосновывает такой подход и значением Баренцева моря для решения целого ряда экономических проблем России – продовольственной, транспортной, занятостью населения, протяженностью береговой линии, освоением и открытием ряда природных запасов. Другими словами, все это относится, в соответствии с международным правом, к исторически сложившимся правовым основаниям и к особым обстоятельствам. В этой связи советская сторона считала, что разграничение по линии Полярных владений будет наиболее справедливым.

После подписания договоренности по «смежному участку» министр рыбного хозяйства СССР А. Ишков (в центре) поздравляет министра Норвегии Э. Болле и министра Е. Евенсена

Норвежская сторона тоже основывалась на положениях международного права – разграничение должно быть по срединной линии, проведенной таким образом, чтобы каждая точка была равноотстоящей от ближайших исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря. Естественно, что и норвежцы, как и российская делегация, приводили допол-

нительные аргументы, включая и экономические. Они тоже считали свою позицию справедливой.

Учитывая особое значение спорной, южной части района для рыболовства обеих стран, в апреле 1978 г., как уже отмечено выше, было заключено соответствующее Соглашение о ведении промысла и порядке инспекции в этом районе, который получил у нас рыбаков наименование «смежный участок». Этот же термин фигурирует и в договорных документах. Норвежцы же предлагали назвать этот участок «серой зоной». Авторство такого наименования принадлежит Арне Трехолту, заместителю министра Енса Евенсена. Ряд норвежских исследователей считают автором термина «серая зона» Е. Евенсена. Под этим термином понимался как бы скрытый определенный политический смысл – серая, неясная зона, между красной (СССР) и белой (Норвегия). С этим термином, хотя его никто детально тогда не обсуждал, мы не согласились. Однако в норвежской, западной и нашей прессе он широко применяется и до сегодняшнего дня, тем не менее, с вступлением в силу Договора 2010 г. он утратил свое значение.

Именно с решением этого промежуточного вопроса рыболовства по смежному участку в Норвегии был обвинен, наряду с другими надуманными историями, и в 1984 г. приговорен к самому длительному сроку заключения – 20 годам за шпионаж в пользу Советского Союза – один из самых подающих надежды молодых политиков МИД Норвегии, упомянутый ранее Арне Трехолт. По существу, он стал жертвой холодной войны и политической борьбы за власть в Норвегии разных партий. Сам он принадлежал с юношеских лет к Рабочей партии Норвегии, идейную основу которой составляет социал-демократия. Это не устраивало не только консервативное крыло политического истеблишмента Норвегии, но, видимо, и определенные круги НАТО. В 1992 г. он был выпущен на свободу, вероятно, по причине отсутствия как состава преступления, так и страны, которая развалилась сама изнутри, с помощью собственных внутренних «шпионов», в пользу которой его деятельность была оценена у себя на родине, как шпионаж. Вместе с тем, даже несмотря на это шумное и до сегодняшнего дня раздутое «шпионское дело», Соглашение о смежном участке рыболовства регулярно, каждый год продлевалось обеими странами на очередные сроки. Это осуществлялось в течение 33 лет, что подтверждает взаимовыгодность и правильность принятых в 1978 г. решений. Достаточно сказать, что договоренности о смежном участке позволили вести цивилизованный промысел не только судам двух стран, но и судам третьих стран, избежать конфликтных ситуаций, которые, как правило, возникают в таких районах. В этом огромная заслуга министра Советского Союза А. Ишкова и министра Норвегии Е. Эвенсена, а также участвовавших в решении этой проблемы членов делегаций обеих сторон. И это было сделано в условиях холодной войны!

Как участник тех непростых переговоров, руководитель рабочей группы, могу свидетельствовать, что при принятии решений нашей делегацией и при изложении своих рекомендаций по вопросам проекта соглашений и координат района его применения руководителю советской делегации министру А. Ишкову (а именно он принимал окончательное решение по всему комплексу вопросов), я не располагал никакими, кроме официальных, полученных за столом переговоров, материалов, документов и того анализа, который мы готовили каждый раз к переговорам.

Следует подчеркнуть, что противников временной договоренности по смежному участку хватало как с норвежской, так и с советской стороны. Так министр Е. Эвенсен в ходе самих переговоров и по их заключению подвергался резкой критике за уступку Советскому Союзу «значительной» западной части смежного района. По этому поводу одна из влиятельных норвежских газет и ряд других выпустили серию карикатур, в которых показывали, как Эвенсен якобы поймал Ишкова на крючок (рис. 2). Затем как они в течение напряженных переговоров скользят на коньках по льду, подписывают договоренность. И наконец, проводы министра Ишкова, который увозит с собой большую часть смежного района. Эта критика Эвенсена, по-видимому, вынудила его пойти на заключение первоначально временной договоренности по

смежному участку всего за 4 месяца. Правда, с последующим возможным годовым продлением. Этим шагом Эвенсен как бы говорил своим оппонентам, что Советский Союз в самое ближайшее время возобновит переговоры по окончательному разграничению 200-мильных зон.

С нашей стороны министр А. Ишков подвергался критике за то, что все же дал пусть и небольшую надежду норвежской стороне – на возможность обсуждения ее варианта разграничения. Во-первых, за распространение в будущем норвежской юрисдикции к востоку от границы Полярных владений 1926 г. и, во-вторых, за ограниченный срок договоренности по смежному участку. Относительно норвежских карикатур, то министр, несмотря на то, что был отображен в них то в виде кита, то в виде медведя, относился спокойно и даже с юмором: «А что, похож?!» Кстати, мы в делегации долго не решались показывать ему эти карикатуры, считая, что он рассерчает.

Были в ходе переговоров и неожиданные довольно серьезные сложности. Одна из них – это требование норвежской стороны о специальном заявлении, в котором подчеркивалось обязательство советской стороны о необходимости окончательного разграничения 200-мильных зон в Баренцевом море. Поскольку это не было оговорено ранее в директивах делегации, то А. Ишкову пришлось согласовывать текст напрямую по телефону (переговоры завершались в Осло) с министром иностранных дел А. Громыко. Полагаю, что только благодаря давним дружеским отношениям между ними удалось найти устраивающую как советскую, так и норвежскую сторону формулировку. А завершающий аккорд договоренности обозначился казусом. Когда делегация разошлась после подписания и соответствующего приема от имени Правительства Норвегии, наша делегация, проверяя набор документов, обнаружила, что на одном из них (русский текст) отсутствует подпись главы норвежской делегации Е. Эвенсена. Срочно пришлось уже поздно ночью выезжать к нему домой, да так, чтобы пресса не обнаружила, и подписать этот документ. Мне была поручена эта курьезная миссия и впоследствии каждый раз при встрече с Е. Эвенсоном он, хитро прищуриваясь, шутил: «Надеюсь, вы прессе ничего не сказали?». В ответ я говорил: «А вы?»

Рис. 2. Коллажи из норвежских газет на ход и результаты переговоров между министром СССР А. Ишковым и министром Норвегии Е. Эвенсоном в 1978 г. по «смежному участку» – «серой зоне».

При всей сложности переговоров по смежному участку и жесткости при отстаивании своих позиций делегациями Советского Союза и Норвегии главы и члены делегаций двух стран были корректны и вежливы. За пределами стола переговоров атмосфера была порой необычайно теплой и дружественной. В один из вечеров Е. Эвенсен пригласил А. Ишкова с некоторыми членами советской делегации к себе домой на ужин, на котором присутствовал и министр иностранных дел Норвегии. Именно в ходе этого ужина были согласованы основные принципиальные положения по рыболовству в смежном участке.

Казалось, что решение вопроса рыболовства по смежному участку и его проверка жизнью подсказывали, что аналогичное решение может быть принято по всей площади спорного района, включая и другие виды экономической деятельности, например, разработка нефти и газа. Такие предложения неоднократно адресовались норвежской стороне. Последний раз подобная инициатива была выдвинута в январе 1988 г. бывшим Председателем Совета Министров СССР Николаем Рыжковым во время его официального визита в Норвегию. Однако со стороны премьер-министра Норвегии, в то время им была Гру Харлем Брунтланд, последовало отклонение подобного предложения и, более того, оно было оценено как неподходящее для Норвегии. Сама встреча двух делегаций (я, как заместитель министра рыбного хозяйства представлял на ней нашу рыбную отрасль), на которой последовал резкий отказ на наше предложение даже без его детального обсуждения, оставил у советской делегации тягостное впечатление. Мне тогда показалось, что Николай Рыжков не ожидал такого поворота событий и, по-видимому, только его выдержка и такт по отношению не только к премьеру соседней страны, но и к женщине, позволили сдержаться от резких оценок такого отклонения.

Норвежцами был выдвинут тезис: «Мы согласны сотрудничать, но вначале разграничимся, определим границу». В кулуарах же норвежцы обосновывали свое решение и дополнительными аргументами, такими как: СССР – великая держава с другой идеологией, у вас большой военный флот на Севере, ссылались и на шпионаж в пользу СССР при принятии решений по рыболовству относительно смежного участка. Говорили они и о том, что мы – норвежцы – не торопимся с разграничением в Баренцевом море. У нас, дескать, достаточно углеводородных ресурсов в норвежском секторе Северного моря. Подождем, когда вы – русские созреете к компромиссному решению по разграничению в Баренцевом море. Безусловно, в эту непростую проблему вносил свою лепту и блок НАТО активным членом, которого является Норвегия.

Сейчас, по прошествии почти 35 лет с той встречи, можно предположить, что уже к тому времени «западные аналитики» политической ситуации в нашем бывшем Союзе ССР усматривали надвигающуюся катастрофу развала и не торопились с решением проблем, имеющих глобальные геополитические последствия, к которым относится и проблема разграничения континентального шельфа и экономической зоны в Баренцевом море. Бесспорно, главное здесь – конкуренция за нефть и газ, а также контроль за Западным проходом.

На рубеже 90-х гг. бег переговорного процесса по разграничению начал ускоряться. Было проведено несколько встреч Михаила Горбачева, Эдуарда Шеварднадзе с руководством Норвегии, в ходе которых обсуждались эти вопросы. В данном случае, норвежцы стремились сделать «прорыв» во время ожидавшегося визита в Норвегию М. Горбачева по случаю присуждения ему Нобелевской премии мира. Такой ход событий вызвал беспокойство рыбаков Северного бассейна, так как можно было ожидать, что наши интересы будут преданы ради политических фанфар. К счастью, визит М. Горбачева в Норвегию не состоялся.

Вновь процесс переговоров замедлил ход. Хотя эксперты МИД двух стран (в их число, по непонятным причинам, никогда уже не включались представители рыбной отрасли) продолжали поиск взаимоприемлемых решений за плотно закрытыми дверями.

С развалом Советского Союза и наследованием Россией всех его проблем, «машина дипломатии» вновь начала убыстрять свой бег. Визит министра иностранных дел РФ А. Козырева и председателя Комитета рыбного хозяйства В. Корельского в Норвегию создал предпо-

сылки для возобновления обсуждения не только правовых вопросов, но и рыболовных, возникших при делимитации морских районов в Баренцевом море. С норвежцами была достигнута договоренность: вновь начать такие переговоры на уровне экспертов обеих сторон, хотя они проходили уже неоднократно.

Заседание Смешанной Норвежско-Советской комиссии по рыболовству в Осло в 1978 г. В центре (лицом к нам) начальник Управления внешних сношений и генеральных поставок Минрыбхоза СССР Р. Новочадов и его заместитель В. Зиланов

Как участник прошлых (в 70-е гг.) и двух новых (в 1991–1992 гг.) туров вновь возобновленных тогда переговоров, казалось, что достичь решений, удовлетворяющих обе договаривающиеся стороны, нереально. Позиция экспертов делегации Норвегии была весьма жесткая и, я бы сказал – это мое личное мнение, – более политизированная, по сравнению с прошлыми годами времен холодной войны, а также по сравнению с подходами российской делегации. Вместе с тем, достижение договоренности в принципе, на базе ненанесения ущерба рыбакам двух стран в результате ожидаемого разграничения морских пространств казалось вполне реальным. Естественно, что самый простой путь решения проблемы разграничения экономической зоны – это разделить спорный район 50:50. Однако при кажущейся справедливости такого подхода, российские рыбаки теряют правовую основу ведения рыбного промысла в западных районах Баренцева моря. Более того, наша северная рыболовная промышленность будет заблокирована с запада, и мы останемся в «восточном ледовом мешке» Баренцева моря. Никак не делятся неделимые рыбные запасы и само Баренцево море!

Руководитель норвежской делегации Г. Гундорсен приветствует руководителя советской делегации В. Зиланова перед началом переговоров по проблемам рыболовства в районе Шпицбергена

Был ли выход из данной ситуации, особенно в области рыболовства, который бы устраивал обе стороны? Казалось, что был!

Основа его – это неделимость всего биологического комплекса Баренцева моря, представляющего единую экосистему этого важного для рыбаков России и Норвегии района рыболовства. Конечно, при этом возникают такие непростые практические вопросы, как справедливое определение квот на вылов тех или иных запасов, их деление на национальные доли, контроль за выполнением правил рыболовства, мониторинг за состоянием запасов и экосистемы в целом и ряд других.

По моему глубокому убеждению, все эти вопросы относятся к мерам доверия, и для их дальнейшего совершенствования было бы полезным укрепить совместные исследования по 3 направлениям: мониторинг биоресурсов; практические и экономические аспекты использования как живых, так и минеральных ресурсов и, наконец, мониторинг рыболовства, и правовые вопросы предпринимательской, хозяйственной деятельности. Кроме того, назрела необходимость в выработке единых для российской и норвежской эконом-зон правил рыболовства и единых мер наказания за их нарушения, а также – выработка договоренности о совместном взаимном инспекторском контроле за рыболовством в экономических зонах друг друга.

В этих целях следовало бы создать совместный российско-норвежский Центр мониторинга окружающей морской среды и контроля за рыболовством в Баренцевом море.

Сейчас продвижение этих инициатив во многом зависит от рыбаков, ученых, прежде всего, рыбного Мурмана и Северного Финнмарка, от тех, кто действительно заинтересован в устойчивом долгосрочном развитии рыболовства по всему Баренцеву морю, включая и район Договора о Шпицбергене 1920 г.

В феврале 2006 г., спустя 30 лет, я неожиданно встретился с Арне Трехолтом, ранее обвиненном в шпионаже в пользу СССР. Он был по-прежнему по-спортивному подтянут, полон оптимизма, несмотря на тяжелейшие, обрушившиеся на него волны холодной войны, как-никак 8 лет заключения в норвежской тюрьме, казалось, могли разрушить все надежды на лучшее. Мы живо вспоминали прошлые переговоры, в которых участвовали совместно по смежному участку и по Шпицбергену, и, естественно, я затронул содержание введенного им термина «серая зона». Арне улыбнулся и протянул мне с дарственной надписью авторский экземпляр своей автобиографии: «Серые зоны. Шпион, которого не было». При этом он пояснил, что в отношениях людей, государств, в политике кроме контрастов: белое – черное, красное – синее, правда – ложь, любовь – ненависть, есть еще и серые зоны – полутона. Думаю, он прав. Именно они – полутона – наиболее сложны для понимания и наиболее перспективны для нахождения оптимальных решений возникающих проблем.

По существу, раздел Баренцева моря между Россией и Норвегией – это соперничество за обладание акваториями (географическими площадями), экономзонами и зонами континентального шельфа, а, следовательно, за обладанием нефтью, газом, морскими живыми ресурсами, за управлением и контролем рыболовства. Имеются здесь и военные, да и в целом геополитические интересы России и Норвегии. Не следует сбрасывать со счета и то, что Норвегия – это представитель НАТО, а, следовательно, и интересы главного мирового игрока – США тоже присутствуют в Баренцевом море. Тем не менее, Советский Союз сумел в условиях холодной войны пойти на компромиссные, хотя и временные решения с Норвегией по вопросам рыболовства в континентальной части 200-мильной зоны, прилегающей к побережью обеих сторон. Таким образом была обеспечена стабильная работа нашего рыболовного флота по всему Баренцевому морю с доведением вылова в отдельные «урожайные» годы более 1,6 млн т, как это было в 1980 г. (табл. 1). В последующем в Советский период уловы колебались в зависимости от океанологических факторов и урожайности поколений основных промысловых запасов – трески, пикши, мойвы, сельди, палтуса, сайки и других объектов рыболовства.

Таблица 1

Общий вылов морских живых ресурсов в Баренцевом и Норвежском морях (районы 1 и 2 ИКЕС) СССР/России, Норвегии и других государств в 1956–2011 гг., тыс. т

Год	СССР/Россия		Норвегия		Другие страны		Общий итог
	тыс. т	% от общего	тыс. т	% от общего	тыс. т	% от общего	
Советская директивно-плано-распределительная система							
1956	934,0	32,3	1289,1	44,6	670,5	23,2	2893,6
1957	682,7	29,0	1173,6	49,9	496,2	21,1	2352,5
1958	740,6	33,8	1039,4	47,5	409,6	18,7	2189,5
1959	811,7	33,2	1222,6	50,0	413,2	16,9	2447,5

1960	876,6	33,2	1135,1	43,0	626,3	23,7	2638,0
1961	718,8	33,0	1132,2	52,0	327,8	15,0	2178,7
1962	845,7	38,2	959,8	43,4	407,0	18,4	2212,5
1963	886,0	41,0	941,6	43,6	331,2	15,3	2158,8
1964	715,9	36,9	1018,6	52,5	206,6	10,6	1941,1
1965	778,1	31,9	1269,1	52,1	389,9	16,0	2437,1
1966	755,3	25,0	1708,5	56,6	555,4	18,4	3019,1
1967	747,0	23,6	1834,0	58,0	582,9	18,4	3163,9
1968	1014,3	34,9	1482,1	51,0	406,9	14,0	2903,4
1969	827,2	30,6	1410,3	52,2	466,2	17,2	2703,7
1970	686,2	20,8	2104,3	63,8	508,6	15,4	3299,1
1971	723,1	23,0	2136,5	68,0	281,3	9,0	3140,9
1972	544,8	17,8	2309,4	75,3	210,9	6,9	3065,1
1973	788,2	24,6	1960,1	61,1	459,6	14,3	3207,9
1974	1073,8	32,0	1654,0	49,3	625,1	18,6	3352,9
1975	1225,9	35,9	1572,1	46,1	613,3	18,0	3411,3
1976	1312,7	29,1	2614,7	57,9	588,1	13,0	4515,5
1977	1488,1	31,4	2873,9	60,5	384,5	8,1	4746,4
1978	1375,3	37,4	1984,1	54,0	313,1	8,5	3672,5
1979	1617,3	43,1	1896,4	50,5	241,0	6,4	3754,7
1980	1632,9	46,5	1655,6	47,1	223,4	6,4	3511,9
1981	1492,2	39,7	2044,0	54,4	224,5	6,0	3760,7
1982	1041,4	33,7	1850,9	59,9	197,4	6,4	3089,7
1983	1113,9	32,2	2161,5	62,6	180,1	5,2	3455,4
1984	919,8	33,3	1649,2	59,8	190,8	6,9	2759,7
1985	803,4	38,1	1122,8	53,3	180,2	8,6	2106,4
1986	524,2	35,2	860,8	57,9	102,2	6,9	1467,2
1987	476,0	34,3	812,9	58,6	98,4	7,1	1387,3
1988	367,6	26,6	781,0	56,5	234,4	16,9	1383,0
1989	285,9	26,5	639,6	59,2	154,0	14,3	1079,6
1990	190,6	22,3	570,0	66,6	95,5	11,2	856,1
1991	606,8	31,9	1194,0	62,7	103,8	5,5	1904,6

Российская либерально-рыночная-коррумпированная система

1992	813,2	34,8	1381,1	59,2	139,6	6,0	2333,9
1993	676,6	32,4	1292,9	61,9	118,6	5,7	2088,2
1994	542,7	27,6	1228,3	62,4	198,7	10,1	1969,7
1995	578,6	24,6	1338,0	56,8	438,2	18,6	2354,8
1996	618,8	23,5	1476,1	56,1	536,7	20,4	2631,7
1997	667,0	23,8	1615,7	57,6	520,7	18,6	2803,4
1998	578,2	23,0	1463,5	58,1	475,1	18,9	2516,7

1999	645,5	21,4	1414,1	47,0	950,8	31,6	3010,4
2000	737,9	23,5	1533,5	48,8	871,1	27,7	3142,5
2001	823,0	28,5	1511,5	52,3	554,0	19,2	2888,4
2002	867,2	28,9	1526,1	50,8	608,5	20,3	3001,8
2003	741,0	25,6	1363,8	47,2	787,3	27,2	2892,1
2004	631,9	24,7	1362,9	53,3	562,6	22,0	2557,5
2005	670,0	28,7	1175,9	50,4	488,7	20,9	2334,5
2006	647,3	28,9	1190,8	53,2	401,0	17,9	2239,1
2007	601,0	26,1	1357,3	58,9	346,1	15,0	2304,4
2008	610,1	24,3	1523,4	60,7	375,2	15,0	2508,8
2009	745,9	25,7	1795,4	61,9	357,2	12,3	2898,5
2010	828,7	25,9	1855,9	58,0	515,1	16,1	3199,7
2011	826,5	—	—	—	—	—	—
Общий итог	45475,4	30,8	81469,9	55,1	21744,8	14,7	147863,5

1956–2010 по данным Fishery ICES statistics

1950–2010 2011 по данным ПИНРО

Шпицбергенский ринг

Архипелаг Шпицберген расположен в северо-западной части Баренцева моря и в Северном Ледовитом океане насчитывает 6 больших островов и множества мелких островов общей площадью 64,2 квадратных километров. Все острова скалистые и их часто в прошлом именовали «Страной острых гор».

Открытие и освоение архипелага Шпицбергена и его вод русскими поморами, которые именовали его как Грумант, относится к XI–XII вв. и связано тесно с морским промыслом, прежде всего млекопитающих – моржей, тюлений, китов, а в последующем и рыбных запасов. Безусловно, определенную роль играла охота на песцов, оленей, белых медведей непосредственно на суше островов. И все же промысел морских живых ресурсов был тем движущим мотивом, который позволил поморам открыть и освоить суровые полярные острова и начать здесь первую хозяйственную деятельность, включая рыболовство. В освоении в прошлом поморами, русскими, советскими исследователями архипелага Шпицберген и других островов и вод, прилегающих к ним, этого обширного района Баренцева моря и продолжающееся до настоящего времени, можно выделить три основных периода.

Первый связан с развитием промысла морского зверя – китов, моржей, тюленей, белых медведей и попутно рыбы. Наиболее интенсивно он осуществлялся в XV–XVII вв. поморами и норвежцами. Собственно этот период не получил широкой коммерческой деятельности, а был периодом отдельных предпринимателей-одиночек и артельщиков, которые на свой страх и риск вели здесь свою хозяйственную деятельность. По крайней мере, результаты этой деятельности позволяли прокормить себя и семью. Уже тогда, на самом Шпицбергене, поморы зимовали. В последующем не только зимовали, но оставались жить круглогодично. Так русский промышленник Иван Старостин – один из самых первых постоянных жителей острова Западного Шпицбергена прожил здесь почти – 39 лет. Имеется и такой факт, что отец Михаила Ломоносова – Василий Дорофеевич Ломоносов – потомственный помор четырежды ходил на промыслы к Груманту.

Второй период начинается с открытия архипелага Шпицберген в 1596 г. голландцем Витусом Берингом и обнаружением в его водах китов. В последующем, с организацией и осуществлением британской китобойной экспедицией началось широкое промышленное освоение запасов китов не только англичанами, но и немцами, шведами, норвежцами, голландцами, французами. Обработка их велась на островах Шпицбергена, где были установлены жиропитательные печи. Развитие китобойного промысла положило начало картированию побережья Шпицбергена. О масштабах китобойного промысла говорят следующие факты: в промысле в середине XVII века участвовало до 400 судов, а на побережье Западного Шпицбергена существовали многолюдные поселения и китобойные базы. Промысел позволял в отдельные годы добывать до 2600 китов. Конкурентная охота на китов, порой превращающаяся в «китовые войны», их интенсивных выбой привел к снижению их запасов и сворачиванию этого, по тем временам, прибыльного дела. Архипелаг Шпицберген, его воды и прилегающие острова опустели. И только на востоке Шпицбергена продолжали промысел русские поморы, обратив свое внимание, прежде всего на рыбные запасы этих районов.

Третий период, который активно осуществлялся в конце XIX и весь XX в., связан именно с открытием и освоением рыбных запасов. И здесь уже ученые, рыбаки Советского Союза, России продолжили дела поморов. Продолжается он и в настоящее время – в начале XXI в.

Четвертый период с определенной уверенностью можно предположить, что в ближайшее время, по крайней мере в первой половине XXI в., он вступит в свои права и будет связан с разведкой и разработкой углеводородов: нефти и газа. Не столько на самих островах, сколько на акватории шельфа Шпицбергена. Наступающий период разведки и разработки углеводоро-

дов на шельфе приведет к поиску как выверенных правовых основ для такой деятельности, так и решению ряда природоохранных, экологических проблем, и, прежде всего к гармонизации двух видов экономической деятельности – рыболовства и нефтегазовой промышленности. В этой связи, оценка морского района вод архипелага Шпицберген с точки зрения значения его для отечественного рыболовства становится особенно актуальной при выработке подходов по защите национальных интересов в этом северном арктическом регионе.

С прекращением в конце XVIII в. промысла китов и морского зверя оставался интерес поморов к освоению в прилегающих к Шпицбергену водах добыча рыбы. К этому периоду относятся и организация ряда высокоширотных экспедиций русских исследователей. Одной из первых была экспедиция под руководством В.Я. Чичагова в 1765–1766 гг., организованная по инициативе М.В. Ломоносова. Результаты обобщения ее данных позволили К. Бэру высказать предположение о целесообразности промыслового освоения рыбных запасов северных районов Баренцева моря. В последующем исследования Баренцева моря с целью развития здесь рыболовства относятся к XIX и XX вв. и во многом связано с экспедициями Н.М. Книповича, других исследователей и научно-исследовательских институтов – Плавмарины, ГОИНа и ПИНРО. Высокоширотные районы Баренцева моря, включая шпицбергенские воды, обследовались неоднократно в 1899–1903 гг. на ледоколе «Ермак», а в 20–30-е гг. на известном НИС «Персей» и других судах. Вели здесь исследования и ученые других государств – Норвегии, Германии, Швеции и т. д. Во многом этому способствовало и то, что до 1920 г. архипелаг Шпицберген и целый ряд прилегающих островов (Медвежий, Надежда и др.) оставались ничейной территорией, хотя претензии на них неоднократно выдвигались. История этих претензий и их подробный правовой анализ достаточно широко освещен как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Для целей данной работы упомяну только, что царская Россия убедительно обосновывала свои права на архипелаг Шпицберген, не говоря уже об о. Медвежий, который считала принадлежащим России. Сошлюсь только на один факт. Так в 1871 г. на заседании Русского общества промышленности и торговли был публично обсужден доклад «О неоспоримых правах России на Шпицберген». Безусловно, такие права заявляли и другие государства, включая Швецию-Норвегию (была унией), Германия, Англия, Голландия и др. Подробнее об этом можно прочесть в работах профессора А. Вылегжанина, к.ю.н. А. Орешенкова и целого ряда других исследователей. Однако история распорядилась таким образом, что в 1920 г. в Париже международная конференция с участием Норвегии, США, Дании, Франции, Италии, Японии, Нидерландами, Великобританией и Швеции подписали Договор о Шпицбергене (часто называют Парижским трактатом). В соответствии с ним суверенитет над этим архипелагом и всеми островами, расположенными между 10 градусом и 35 градусом восточной долготы и между 74 градусом и 81 градусом северной широты признается за Норвегией, но «... на условиях, предусмотренных данным Договором...». Последнее положение особенно важно для целей рыболовства, поскольку в статье 2 зафиксировано, что «Суда и граждане всех Высоких Договаривающихся Сторон будут допущены на одинаковых основаниях к осуществлению права на рыбную ловлю и охоту...». Хотя Россия, ввиду гражданской войны и непризнании ее участниками конференции, не участвовала в ней тем не менее, они хорошо понимали, что без России Договор обречен на провал. Именно по этой причине в статье 10 было указано, что «...признание Высокими Договаривающимися Державами Русского Правительства позволит России присоединиться к настоящему Договору, русские граждане и общества будут пользоваться теми же правами, что и граждане Высоких Договаривающихся Сторон». Реакция молодого Советского Правительства в то время, несмотря даже на реверанс в его сторону, была быстрой и категоричной. Буквально на третий день после подписания Договора о Шпицбергене 1920 г. Народный комиссар по Иностранным Делах Чичерин направляет 11 февраля 1920 г. ноту правительству Норвегии, в которой заявлено: «Решение о передаче Шпицбергена теперь в полную собственность Норвегии произошло без участия России. Советское правительство

заявляет поэтому, что не признает себя связанным этим актом...». И в завершении Ноты: «... что ни одно международное соглашение, в котором оно не участвовало, не обладает для него обязательностью или силой политической или юридической».

Однако под давлением ряда обстоятельств и прежде всего необходимостью признания Советской России со стороны других государств российское правительство вынуждено было присоединиться к Договору о Шпицбергене. Не последнюю и не однозначную роль в этом сыграла торговый представитель СССР в Норвегии (посол) А. Коллонтай, которая настойчиво предлагала по существу признать суверенитет Норвегии над Шпицбергенем в обмен на признание последней Советского Союза. Что и произошло в 1924 г. Официально же СССР стал полноправным участником Договора о Шпицбергене 7 мая 1935 г. после признания США Советского Союза.

В последующем Советский Союз, принимая во внимание уроки Великой Отечественной войны и в частности значение морской акватории на участке Норвегия – о. Медвежий – архипелаг Шпицберген предложил правительству Норвегии пересмотреть условия Договора о Шпицбергене. Об этом сообщила в 1947 г. газета «Правда», в которой было опубликовано Заявление ТАСС «По вопросу о Шпицбергене». Однако в последующем, с вступлением Норвегии в НАТО, этот вопрос больше не поднимался ни с советской, ни с норвежской сторон. Обе стороны сосредоточили свое внимание на хозяйственном освоении архипелага Шпицберген и его рыбных запасов в прилегающих морских водах. В этом направлении Советский Союз значительно опережал Норвегию.

Первые, наиболее значимые для Северного бассейна рыбные ресурсы в водах архипелага Шпицберген были открыты в предвоенные годы, а освоение их относится к послевоенным годам. Именно тогда ученые ПИНРО совместно с промысловиками Мурманска начали осваивать, прежде всего, запасы трески в районе острова Медвежий, а затем и запасы сельди. Последняя получившая название из-за своих высоких вкусовых качеств (жирности, размера и т. д.) «полярный залом». Уже в 1931–1932 гг. эти районы давали до 12 % годового улова трески в отечественном траловом промысле. Здесь же промысел вели и рыбаки Норвегии. Однако открытие и развитие сельдяного промысла в Медвеженско-Шпицбергенском районе принадлежит нашим ученым, поисковикам и промысловикам. За освоение промысла сельди – полярного залома, ученые ПИНРО проф. Ю.Ю. Марти, проф. Б.П. Мантейфиль, капитан Г.П. Корольков и экономист С.В. Михайлов были удостоены Государственной (Сталинской) премии. Это позволило расширить поисково-исследовательские работы в этом районе, что привело в 50–60 гг. к освоению промысла значительных запасов окуня-клювача, который был описан в 1951 г. ученым ПИНРО к.б.н. В.И. Травиным, как самостоятельный вид морских окуней, что было признано учеными других стран. В расширении районов промысла окуня-клювача большой вклад внесли капитаны-поисковики тралового флота и особенно легендарный капитан С.Д. Копытов. Его вклад отмечен особо-обширная акватория промысла окуня, названа районом Копытова. Так она обозначена не только на наших отечественных промысловых картах и схемах, но и на зарубежных. В последующем, в районе к западу от о. Медвежий траулером «Треска», который располагал, по тем временам, современным промысловым вооружением для промысла на больших глубинах, были обнаружены скопления черного палтуса, позволившие вести здесь специализированный его лов. До этого черный палтус встречался только в качестве прилова при промысле трески и окуня. В результате широкомасштабных исследований биологии черного палтуса и особенно его миграции, привели к освоению новых районов его промысла – вплоть до Западного Шпицбергена. Доказано также единство его запасов по всему Баренцеву морю с охватом акватории района Договора о Шпицбергене, до Земли Франца-Иосифа и 200-мильных экономических зон Норвегии и России.

Особое значение в рыболовстве района архипелага Шпицберген имеет мойва, в те года, когда ее численность возрастает. Так в 1974–1984 гг. мойва была основным объектом про-

мысла, что позволяло доводить общий вылов ее до 400 и более тыс. т в год. Кроме упомянутых выше основных объектов рыболовства – трески, пикши, окуня, палтуса, сельди, мойвы – не меньшее значение для отечественного рыболовства имеют камболовые, путассу, зубатки, северная креветка, исландский гребешок и другие морские живые ресурсы, многие из которых открыты и освоены нашими соотечественниками. Все это позволило вести промысел в районе, подпадающем под действие Договора о Шпицбергене, почти круглогодично. За период с 1956 по 2011 гг. отечественный флот добыл здесь более 8 млн т. рыбы. Наиболее результативными были первая половина 60-х и 80-х гг., когда вылов был около 200 тыс. т. и даже достигал в отдельные годы 400–427 тыс. т (табл. 2). В целом этот район дает до 20–25 % годового улова России, а в те года, когда в результате охлаждения восточной части Баренцева моря основные скопления трески, пикши и мойвы имеют западное распределение, значение вод архипелага для отечественного рыболовства достигает до 40–50 % от годового вылова. Для сравнения: этот район в рыболовстве Норвегии составляет не более 5–8 % от годового вылова. Перспективными для промысла представляются запасы различных водорослей в территориальных водах архипелага Шпицберген и прилегающих островов.

Как известно, Норвегия ввела в 1977 г. вокруг архипелага Шпицберген так называемую 200-мильную рыбоохранную зону, в которой она устанавливает ряд обязательных для исполнения предписаний судам, осуществляющим рыболовные операции в этом районе. Более того, Норвегия осуществляет здесь контрольные функции. Хотя большинство этих предписаний базируются на правилах рыболовства, принятых в рамках Смешанной Российско-Норвежской комиссии по рыболовству (СРНК), тем не менее, их одностороннее принятие Норвегией для обширных морских пространств и проведение здесь контрольных полицейских функций с применением силовых методов и наказаний капитанов судов других стран по норвежским законам, выходит за рамки соответствующих базовых положений Договора о Шпицбергене 1920 г. На эту особенность, в свое время еще 15 июня 1977 г., обращало внимание Норвегии Правительство Советского Союза в соответствующей ноте МИД. В ней было сказано, что такой подход находится в «...несоответствии обязательствам, принятым на себя Норвегией по Договору о Шпицбергене 1920 г.» и что «...в этих условиях Советское правительство резервирует за собой возможность принятия соответствующих мер, обеспечивающих интересы СССР». Эта нота действует и по настоящее время. Россия как правопреемник СССР осуществляет все права и обязанности исходя из положений Договора о Шпицбергене 1920 г. и из упомянутой ноты-заявления.

Таблица 2

Общий вылов морских живых ресурсов в районе Договора о Шпицбергене 1920 г. (район 2в ИКЕС) СССР/России, Норвегии и других государств в 1956–2011 гг., тыс. т

Год	СССР/Россия		Норвегия		Другие страны		Общий итог
	тыс. т	% от общего	тыс. т	% от общего	тыс. т	% от общего	
Советская директивно-планово-распределительная система							
1956	90,7	28,4	7,1	2,2	221,6	69,4	319,4
1957	137,0	42,1	34,1	10,5	154,1	47,4	325,2
1958	153,3	57,3	13,3	5,0	100,8	37,7	267,3
1959	199,9	60,2	24,6	7,4	107,5	32,4	332,0
1960	114,8	64,1	13,3	7,4	50,9	28,4	179,1
1961	177,4	64,6	27,1	9,9	70,0	25,5	274,5
1962	148,7	60,0	26,4	10,7	72,9	29,4	248,0

1963	68,5	50,3	20,5	15,0	47,1	34,6	136,1
1964	34,1	34,5	10,6	10,8	53,9	54,7	98,7
1965	43,8	45,8	8,0	8,4	43,7	45,8	95,5
1966	34,6	56,9	6,4	10,6	19,8	32,5	60,8
1967	113,5	55,3	4,5	2,2	87,4	42,6	205,3
1968	265,5	79,3	10,5	3,1	58,8	17,6	334,8
1969	219,2	53,4	148,3	36,1	43,3	10,5	410,8
1970	98,8	18,6	336,5	63,4	95,6	18,0	530,9
1971	151,7	59,2	84,4	32,9	20,3	7,9	256,4
1972	70,9	71,5	14,2	14,3	14,1	14,2	99,2
1973	120,5	33,6	207,5	57,8	30,8	8,6	358,8
1974	230,5	38,6	255,4	42,7	111,6	18,7	597,4
1975	427,0	70,5	93,3	15,4	85,4	14,1	605,7
1976	400,6	43,3	446,3	48,2	78,6	8,5	925,4
1977	232,6	32,4	395,8	55,1	89,8	12,5	718,1
1978	304,2	50,4	263,8	43,7	35,9	5,9	604,0
1979	281,2	32,9	558,2	65,4	14,4	1,7	853,8
1980	252,0	35,8	438,8	62,4	12,2	1,7	703,0
1981	90,2	20,7	333,4	76,4	13,0	3,0	436,6
1982	252,9	28,0	597,2	66,1	53,3	5,9	903,4
1983	406,9	33,2	763,8	62,2	56,5	4,6	1227,2
1984	391,1	42,1	509,1	54,8	28,1	3,0	928,4
1985	142,8	41,6	166,0	48,3	34,6	10,1	343,3
1986	58,0	41,4	53,7	38,4	28,3	20,2	140,0
1987	79,6	32,0	133,2	53,6	35,8	14,4	248,6
1988	41,3	36,1	55,0	48,1	18,1	15,8	114,4
1989	11,7	20,4	26,1	45,8	19,3	33,8	57,0
1990	33,6	35,5	43,7	46,2	17,4	18,3	94,7
1991	219,0	59,9	132,5	36,2	14,3	3,9	365,8

Российская либерально-рыночная-коррупцированная система

1992	87,1	40,6	109,0	50,8	18,4	8,6	214,5
1993	44,9	51,5	20,3	23,2	22,0	25,3	87,2
1994	33,4	26,4	56,1	44,3	37,1	29,3	126,6
1995	97,0	43,9	89,0	40,3	34,7	15,7	220,8
1996	93,8	51,1	56,0	30,5	33,6	18,3	183,4
1997	105,8	53,2	53,8	27,0	39,3	19,8	198,8
1998	50,1	38,7	47,8	36,9	31,7	24,5	129,6
1999	93,8	57,4	38,8	23,7	30,8	18,8	163,4
2000	75,8	52,3	23,2	16,0	46,0	31,7	145,1
2001	116,9	64,1	29,6	16,3	35,8	19,6	182,3

2002	76,0	37,9	21,4	10,7	103,2	51,4	200,6
2003	64,4	55,3	27,8	23,8	24,4	20,9	116,5
2004	96,9	50,3	37,6	19,5	58,2	30,2	192,7
2005	127,2	46,7	65,2	24,0	79,7	29,3	272,2
2006	89,8	51,9	67,5	39,0	15,8	9,2	173,1
2007	82,8	52,5	56,9	36,1	17,9	11,4	157,7
2008	89,8	51,3	58,3	33,3	26,9	15,4	175,0
2009	141,3	44,9	120,0	38,2	53,1	16,9	314,5
2010	185,8	58,6	94,6	29,8	36,8	11,6	317,2
2011	205,6	—	—	—	—	—	—
Общий итог	8056,5	44,8	7335,6	40,8	2784,6	15,5	17971,1

1950–1972 по данным бюллетеня *Bulletin Statistique* (СССР начал подавать данные 1956 г., но полнота их вызывает сомнение) 1973–2010 по данным *Fishery ICES statistics* 1973–2009 2011 по данным ПИНРО

Дополнительный анализ обширных документов правового, исторического, природоохранного и другого характера за период с 1872 по 2005 гг. позволили профессору, д.ю.н. А.Н. Вылегжанину и автору данной работы сделать следующие важнейшие выводы:

– Договор о Шпицбергене 1920 г. не представляет оснований для установления Норвегией территориального моря, 200-мильной рыбоохранной, экономической или иной зоны Норвегии вокруг архипелага Шпицберген, так же, как и континентального шельфа здесь;

– Договор о Шпицбергене 1920 г. не дает Норвегии прав, в одностороннем порядке применять здесь меры по управлению ресурсами и осуществлять контрольные функции без договоренности с другими государствами – участниками Договора о Шпицбергене. Не говоря уже о мерах принуждения и наказания по норвежским законам.

Выявлены и исследованы и ряд других важных положений, которые вытекают для данного района при осуществлении здесь рыболовства. Многие исследователи этого вопроса так же считают введение рыбоохранной зоны Норвегии необоснованным. В частности А. Крайний, руководитель Росрыболовства, и профессор, д.ю.н. К. Бекяшев так же отмечают, что введение Норвегии 200-мильной рыбоохранной зоны противоречит международному праву. В обосновании они приводят 9 положений, среди которых такие как отсутствие в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. нормы о введении «рыбоохранной зоны» и что Шпицберген не явля-

ется государственной территорией Норвегии, а устанавливаемые ею меры управления рыболовством и контроля создают преференции норвежским рыбакам и т. д.

В целях урегулирования возникающих проблем при осуществлении рыболовства отечественным флотом в районе архипелага Шпицберген были проведены в советский период серия переговоров с норвежской стороной в 1977–1980 гг. Автор принимал участие во всех этих переговорах, а их было 5 туров, и в трех из них как глава советской делегации.

В ходе первого тура, который состоялся в рамках IV сессии СРНК 21 октября 1977 г., норвежской стороне (глава делегации Г. Гундерсен) были переданы советские предложения (глава делегации В. Зиланов), включающие в себя установление национальных квот, отчетности и контроля за рыболовством в районе Шпицбергена. Эти предложения были приняты норвежцами для изучения.

Подписание протокола очередной сессии Смешанной Советско-Норвежской комиссии по рыболовству руководителями делегаций Норвегии – Г. Гундерсеном и делегации СССР В. Зилановым

Второй тур переговоров состоялся на уровне министра рыбного хозяйства СССР А. Ишкова и министра Норвегии по морскому праву Е. Эвенсона 13–16 января 1978 г. в Москве. Завершился он подписанием соответствующего Коммюнике. Одновременно стороны договорились о процедуре контроля со стороны норвежских инспекторов за осуществлением согласованных мер регулирования рыболовства нашими судами в морском районе архипелага Шпицберген. Эти договоренности были согласованы устно (джентльменская договоренность) между министрами А. Ишковым и Е. Эвенсеном и они соблюдались обеими странами вплоть до распада СССР и в первые годы новой России. С определенными отступлениями они действовали и до подписания Договора 2010 г.

Удачная рыбалка в районе Лафатен руководителя советской делегации В. Зиланова, за которой наблюдает руководитель норвежской делегации Г. Гундерсен

Третий тур переговоров, который также проходил на уровне министров А. Ишкова и Е. Эвенсена, состоялся 14–20 августа 1978 г. (к ним присоединился и первый замминистра В. М. Каменцев – впоследствии, с уходом А. Ишкова на пенсию, он был назначен министром рыбного хозяйства СССР) в Москве и он не дал каких-либо новых договоренностей. Принимая во внимание отсутствие прогресса сторон, министры приняли решение провести неофициаль-

ные переговоры-консультации, в ходе которых попытаются найти точки соприкосновения для выхода на решение проблемы.

Руководитель норвежской делегации Е. Эвенсон приветствует руководителя советской делегации В. Зиланова перед началом переговоров по проблемам рыболовства в районе Шпицбергена

В этих целях были проведены *четвертый тур* 23–27 февраля 1979 г. в Осло и *пятый тур* 21–24 июля 1980 г. в Женеве. Советскую делегацию на этих встречах возглавлял В. Зиланов, норвежскую – Е. Эвенсен. На последнем туре делегации впервые обменялись письменными неофициальными предложениями по выходу из создавшегося тупика. Анализ этих предложений показал, что главное расхождение сводилось к району применения (норвежцы настаивали на рыбоохранной зоне; советская сторона – на район Договора о Шпицбергене 1920 г.) и порядка контроля и отчетности за уловами нашего флота. Несмотря на это все же просматривались возможность достижения компромисса. Однако, в последующем, с изменением политической обстановки в Норвегии (приход к власти оппозиционной партии) и отстранение Е. Эвенсена от активной дипломатической работы по советскому направлению, интерес норвежской стороны к решению вопросов рыболовства в районе Шпицбергена резко изменился. Был взят курс на замораживание проблемы и проведению линии на полное и безоговорочное признание Советским Союзом 200-мильной рыбоохранной зоны Норвегии вокруг архипелага Шпицберген. Этого добиться в советский период норвежцам не удалось. Забегая вперед, все же следует признать, что Договор 2010 г. дает все основания считать, что признание Россией 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена все же состоялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.